лигиозному признаку, росту сепаратизма, обострению конфликтов и в конечном счете к гражданским войнам.

Сказанное относится к постсоветскому пространству, и в первую очередь к России. Быстрая смена парадигмы развития, структурный кризис, исчерпание потенций реального социализма в его советской модели показали и нерешенность национальных проблем, и незавершенность складывания единой политической нации в форме новой общности «советский народ». С распадом Советского Союза началась эпоха строительства этнократических государств, этнической фрагментации постсоветского пространства, сопровождающейся кризисами, конфликтами, этническими чистками, миграционными сдвигами в социальной структуре.

Современная Россия балансирует на грани фрагментации, унаследовав все последствия кризиса реального социализма в масштабах многонационального государства. Во-первых, происходит этнократизация национальных регионов вкупе с явным креном в сторону теократизации региональной власти. Правовые нормы начинают подменяться религиозными предписаниями и традициями регулирования общественной жизни. Это, например, почти обязательное для всех местных жителей соблюдение правил рамадана, решение старейшин об изменении правил кражи невест и кровной мести и т. д. Во-вторых, иноязычное население постепенно выдавливается не только из органов власти, но и с территории национального региона. В-третьих, складываются замкнутые национальные диаспоры на территории других регионов и этнизируются отдельные виды деятельности.

Российская политическая нация так и не начала складываться. Напротив, на наш взгляд, идет фрагментация ее «советских» остатков: падает число межнациональных браков, сужается уровень и сфера применения русского языка, нет признаков возникновения национальной идеи. Попытки подменить ее православными ценностями ведут к усилению национально-религиозной фрагментации. Этому, с нашей точки зрения, будет способствовать введение «основ религиозной культуры и светской этики» во всех школах в порядке «обязательного факультатива». Религиозный фактор разобщенности начнет действовать уже на уровне средней школы. Можно сказать, что в государственном и политическом строительстве пока преобладают центробежные тенденции. Опасность дезинтеграции подстегивается ярко выраженным национализмом малых народов России на фоне отсутствия хотя бы идеи национального единства государствообразующей русской нации. Отдельные проявления так называемого русского национализма, как правило, являются ответной реакцией на радикальный национализм регионов и диаспор. Даже в практике правоохранительных органов закрепляется странный принцип оценки правонарушений: действия русских против представителей других этнических групп обычно квалифицируются как преступления на почве национализма, против русских – как обычное хулиганство без националистических мотивов.

Другим не менее опасным фактором усиливающейся фрагментации российского общества является доведение до логического предела, грозящего расколом, принципа всемерного сохранения и развития национальной самобытности наций и народов России. Наблюдается быстрое возвращение к традиционной организации общественной жизни, сопровождаемое доминированием религиозных норм, отсталых форм хозяйствования и общественных связей.

Означают ли эти процессы отмирание национального государства? Вряд ли. Эпоха «мира регионов и народов» пока нереальна. Даже в ЕС после периода его быстрого расширения как-то забывается идея строительства «Европы регионов» на месте «Европы отечеств». Скорее это откат к «новым темным векам», разобщенности стран и народов со всеми вытекающими отсюда последствиями: противоречиями, кризисами и конфликтами, короче, к эпохе «нового мирового беспорядка».

Давид БАБАЯН

Центральноазиатское направление китайской геополитики

МЕСТО КИТАЯ В СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ

Современный этап международных отношений характеризуется интенсивным соперничеством и борьбой между целым рядом государств за создание нового миропорядка. Особую важность приобретает политика Китайской Народной Республики (КНР). Ряд известных экспертов уже причисляет Китайскую Народную Республику к экономической супердержаве [1]. Некоторые исследователи даже считают, что если в первые 30 лет осуществления экономических реформ в качестве основного императива выступала интеграция Китая с внешним миром, то в течение следующих трех десятилетий основной акцент КНР будет уже ставить на формирование глобального миропорядка [2, с.4]. Будущий миропорядок видится в Пекине в форме многополярности.

Основой стратегии национального развития КНР является представление

Давид БАБАЯН – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Арцахского госуниверситета (Республика Армения)

о том, что экономическая мощь – самая главная составляющая совокупной мощи государства в эру, когда мир и развитие являются основными глобальными тенденциями и можно избежать мировой войны. ВВП Китая в 2007 году составил $3,43 трлн, в 2008 г. объем ВВП составил $4,2 трлн, а в 2009 г. объем ВВП вырос еще на 8,7%. За 30 лет непрерывного экономического роста экономика Китая в целом увеличилась в 15 раз, внешнеторговый оборот – более чем в 100 раз, что, по словам заместителя Генерального секретаря ООН по экономическим и социальным вопросам Ша Цзукана (Sha Zukang), является самым быстрым экономическим ростом в современной истории [3].

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ УЯЗВИМОСТЬ КИТАЯ

Однако, несмотря на действительно шокирующие темпы экономического роста и военного строительства, Китайская Народная Республика в скором времени столкнется с серьезными вызовами в процессе поддержания первого и важнейшего компонента совокупной мощи государства – материальной, или жесткой, мощи. Еще в начале XXI века министр природных ресурсов и земли КНР Тянь Фенгшан (Tian Fengshan) заявил, что запасы стратегических ресурсов Китая демонстрируют уменьшение способности страны поддерживать быстрый экономический рост [4]. Особое место здесь занимают энергетические ресурсы. В ежегодном докладе Международного Энергетического Агентства (IEA) «Перспективы мировой энергетики» (World Energy Outlook) за 2007 г., указано, что к 2030 г. потребность в энергии в Китае будет на уровне 3,8 млрд тонн в нефтяном эквиваленте, против 2,1 млрд в 2002 г. [1, с.222]. В соответствии с данным сценарием к 2030 году Китай будет потреблять больше энергии, чем ЕС, Россия и Япония вместе взятые, и, обогнав США, выйдет на первое место в мире, потребляя 22% мировой энергии.

Ситуация усугубляется тем, что для компенсации недостатка в углеводородном сырье Пекин должен будет импортировать эти стратегически важные ресурсы из регионов, так или иначе находящихся в сфере геополитического влияния основного потенциального соперника Китая – США. Аналогичным образом дело обстоит и с природным газом. В соответствии с докладом о развитии энергетики Китая от 2007 г., к 2020 г. потребление природного газа может достигнуть 200 млрд $м^3$, при собственной добыче 100 млрд [5].

Данное обстоятельство нарушает доктрину опоры на собственные силы (zili gengsheng), которой руководствуется Китай в своем развитии. Естественно, Китайская Народная Республика должна обезопасить себя от возможности подобного развития ситуации. Для государства, которое является одним из ключевых глобальных геополитических игроков, данное обстоятельство делает его достаточно уязвимым, тем более что импорт нефти из Ближнего Востока, Африки и Южной Америки, как уже отмечалось, проходит через районы мирового океана, контролируемые военно-морскими силами потенциальных соперников Китая – в частности США.

МЕСТО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РАСЧЕТАХ КНР

Ключевую роль в геополитике Китая приобретает Центральная Азия. Этот регион богат природными ресурсами, особенно углеводородным сырьем, которое так необходимо Китаю. Одной из самых богатых нефтегазовыми ресурсами страной региона является Республика Казахстан. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев пообещал к 2015 г. добывать 400 млн тонн нефти в год – столько же, сколько добывает Саудовская Аравия [6]. По запасам природного газа первенство в Центральной Азии принадлежит Туркмении. Богат углеводородным сырьем и Узбекистан. Именно поэтому для Пекина жизненно важно наладить поток углеводородного сырья из Центральной Азии. Такой подход полностью вписывается в озвученную рядом китайских политологов нефтяную стратегию. В соответствии с ее положениями, пока Китай не будет вкладывать средства для контроля определенных нефтяных ресурсов, любой, даже незначительный международный конфликт экономического, политического, или военного характера может повлиять на импорт нефтепродуктов и серьезно подорвать экономическую стабильность Китая и устойчивый экономический рост [7, с.20].

По стратегическим соображениям более выгодно наладить поставки нефти и природного газа из Центральной Азии, с которой у него общая граница, чем из отдаленных регионов. Для страны это станет одним из наиболее эффективных механизмов создания взаимозависимости между КНР и центральноазиатскими государствами, что является одним из важнейших императивов геополитики любого государства. Таким образом, Центральная Азия предстает своего рода энергетическим тылом Китая.

При этом основной стратегией политики Пекина в регионе в первую очередь является убеждение государств Центральной Азии в том, что углубление сотрудничества с Китаем не представляет угрозы для безопасности стран региона. Данное послание Китая проявляется практически во всех документах, подписанных со странами Центральной Азии. Китайская Народная Республика предоставила гарантии безопасности странам региона и заявила о своей поддержке независимости центральноазиатских государств.

Однако КНР не только стремилась сама убедить государства региона в своих исключительно конструктивных намерениях. Китай добивался того же от стран Центральной Азии. Так, Казахстан является крупнейшим по залежам нефти государством в регионе, и в этой связи не случайно внимание Пекина в первую очередь привлекли нефтяные месторождения этого государства. Еще летом 1997 г. Национальная нефтяная компания Китая (ННКК) в конкурентной борьбе с американскими и российскими компаниями приобрела 60% акций производственного объединения «Актюбинскмунайгаз», которое контролирует три крупных нефтяных месторождения на севере Казахстана. То, что китайская компания сумела выиграть конкурентную борьбу за «Актюбинскмунайгаз» с такими нефтяными гигантами, как Texaco, Amoco, во многом обусловлено весьма привлекательными условиями, предложенными китайцами. ННКК обязалась вложить $4,3 млрд в течение 20 лет [8, с.16]. Компания дала гарантии на выплату пенсий и жилищно-коммунальных услуг около 5000 работникам, обслуживание долга «Актюбинскмунайгаза» в размере $71 млн, вложение $80 млн в программу защиты окружа-

ющей среды, а также выплаты за право разработки недр [9, с.1]. Национальная нефтяная компания Китая согласилась выплатить авансом дивиденды казахскому правительству в размере $320 млн, а также провести исследования для возможного строительства нефтепровода от месторождения в Актюбинске до Китая стоимостью $3,5 млрд [10, с.9].

В сентябре того же 1997 г. НККК в жесткой конкуренции с такими известными нефтяными гигантами, как Petronas, Unocal и Amoco, получила право на 20-летнее владение и эксплуатацию одного из крупнейших нефтяных месторождений – Узенского – в Западном Казахстане. Как и в предыдущем случае, ННКК предоставила казахской стороне условия, от которых, фигурально выражаясь, Астана не смогла отказаться. Общий объем инвестиций со стороны Национальной нефтяной компании Китая, по разным оценкам, составляет от $1,3 млрд до $4,38 млрд [10, с.9]. ННКК также согласилась выплачивать 8% своей чистой прибыли правительству Казахстана за право разработки недр, взять на себя долги предприятия в размере $6 млн, вложить $10 млн в программы обучения специалистов, а также отчислить $27 млн в фонд социальных услуг [11, с.48]. Китайцы также предложили казахской стороне строительство нефтепровода от месторождений в Узене к Актюбинску. ННКК согласилась и на строительство трубопровода из Казахстана в Туркмению. Данный трубопровод может быть доведен до Ирана.

С началом приобретения китайцами акций «Актюбинскмунайгаза» – третьего по залежам нефти месторождения в Казахстане, нефть из данного месторождения поступает в КНР. Однако ее экспортируют в Китай не посредством нефтепровода. Актюбинскую нефть поставляют по трубопроводу на Орский нефтеперерабатывающий завод в Российской Федерации. Взамен владелец Орского нефтеперерабатывающего завода – компания «ОНАКО» – экспортировала свою собственную нефть, отгружая ее в портах Новороссийск и Туапсе.

Важным событием в укреплении китайско-казахстанских энергетических связей было и подписание в ноябре 2009 г. между ННКК и казахской государственной компанией «Казмунайгаз» соглашения стоимостью $2,6 млрд о совместном владении казахской нефтяной момпанией «Мангистаумунайгаз». Китайская сторона, по уже установившейся практике, представила казахской стороне также кредит в $10 млрд на осуществление различных проектов. А до этого, в октябре 2009 г., одна из китайских инвестиционных компаний приобрела 11% акций «КазМунайГаза», вложив порядка $1 млрд [12].

Многие считают, что нефтепровод из Казахстана в Китай может стать потенциальным источником снабжения нефтью Республики Корея, Японии и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Подобное развитие ситуации не только сулит высокие дивиденды Китайской Народной Республике, но и существенно усилит позиции Пекина в регионе. Трубопровод из Средней Азии через Китай в Азиатско-Тихоокеанский регион получил даже название Паназиатского нефтяного моста.

В целом китайская стратегия нацелена на то, чтобы соединить все приобретенные китайской стороной месторождения между собой, в результате чего объединены будут месторождения от побережья Каспийского моря до казахско-китайской границы. Данный процесс планируется завершить к 2011 г., после чего КНР будет в состоянии получать из Казахстана от 5 до 10% от общего объема импортируемой нефти. В нефтяной стратегии Китая в Казахстане имеется и ряд других весьма интересных аспектов. Особо хотелось бы отметить, что после того, как китайские государственные инвесторы приобрели несколько нефтяных компаний, они затем переуступили часть акций этих казахской компании «КазМунайГаз». Смысл данной стратегии в том, что каждая подобная сделка повышает вероятность следующей. Кроме того, она преследует цель обеспечения развития обеих сторон на основе обоюдного выигрыша. Китай стремится к тому, чтобы из этого взаимодействия каждая из сторон могла извлечь реальную выгоду [17] *.

Кроме того, КНР заинтересована в импорте нефти из Узбекистана и Туркмении. Но не меньшее значение для Пекина представляет также и природный газ. В этой связи особую важность для Китая приобретает Туркмения. 31 декабря 2009 г. природный газ из Туркенистана и Узбекистана дошел до административного центра Синцзянь-Уйгурского автономного района – города Урумчи. Отсюда туркменский и узбекский газ дойдет до Пекина, Шанхая и Гонконга. В начале июня 2010 г. Национальная нефтяная компания Китая подписала с нефтяной компанией «Узбекнефтегаз» соглашение о покупке 10 млрд м^3 узбекского газа [13].

Важность Центральной Азии в нефтегазовой политике Китайской Народной Республики не исчерпывается наличием там гигантских запасов углеводородов. Через Центральноазиатский регион Пекин выходит на нефтегазовый рынок Южного Кавказа, а также Ирана, что в свою очередь будет способствовать укреплению политического влияния Китая в регионе юго-западного Каспия. Здесь Китай уже проявляет определенную активность. Например, в 2002 г. нефтегазовая компания Китайской Народной Республики уже приобрела у Европейского банка реконструкции и развития 30% доли участия в проекте по разработке месторождений Кюрсенгли и Карабаглы в Азербайджанской Республике. А в конце апреля 2009 г. Национальная корпорация Китая по разведке и разработке нефти и газа (CNOGEDC) подписала договор с казахской государственной нефтяной компанией «КазМунайГаз» по приобретению ЗАО «Мангистаумунайгаз» за $3,3 млрд. «Мангистаумунайгаз» является достаточно крупной компанией с ежегодным объемом производства нефти в 40 млн баррелей и запасами природного газа в 41,8 млрд м^3 [14]. Понятно, что закрепляясь на центральноазиатском побережье Каспийского моря, КНР постепенно усиливает свои позиции и в Закавказье.

Через Центральную Азию Пекин получает прямой выход к одному из ключевых и богатейших углеводородным сырьем государств Ближнего Востока – Ирану, государству, которому официальный Пекин придает огромное значение

---

* См., например, «Посол Китая в Азербайджане: Мы готовы участвовать в освоении Каспия». URL: RosInvest.com: http://www.rosinvest.com/news/526387/ 9 апреля 2009.

в своей внешней политике и с которым намерен установить долговременные стабильные отношения [15]. На сегодня Иран уже является третьим, после Саудовской Аравии и Анголы, поставщиком нефти, экспортируя до 300 тыс. баррелей в день [16]. Более 100 китайских государственных фирм и компаний работают ныне в Иране, участвуя в строительстве инфраструктуры – автомобильных дорог, портов, доков, аэропортов, плотин и т. д.

Центральная Азия также представляет стратегическую важность с точки зрения транспортной геополитики. Создание эффективной транспортной системы между Китаем и Центральной Азией многими видится в качестве идеального варианта современного шелкового пути. И в данном контексте особую важность приобретает Узбекистан, который становится узловым компонентом евроазиатской транспортной сети и самым эффективным мостом, связывающим Китай с Центральной Азией. Посредством Центральной Азии Китай получает выход в Европу, Ближний Восток и Африку, что весьма важно для укрепления позиций Пекина в глобальной геополитике.

ГИДРОПОЛИТИКА

Следующим основным направлением китайской политики в Центральноазиатском регионе может стать гидрополитика. Проблема воды традиционно является одной из самых актуальных в регионе. Наиболее острые проблемы с водой имеются в Андижане, Бухаре, Каракалпакстане, Хорезме, Намангане, Самарканде, Сырдарье и Сурхандарье (все в Узбекистане), в Хатлане (Таджикистан) и Ахале (Туркмения), а в той же Туркмении ни одна из провинций практически не имеет собственных источников воды [17]. Кроме того, 90% основных сельскохозяйственных культур в регионе выращивается на орошаемых угодьях. Проблемы с водой будут становиться еще более актуальными по мере увеличения населения региона. Предполагается, что к 2020 г. оно увеличится еще на треть [18] и, по некоторым прогнозам, к 2025 г. составит 90,8 млн человек [19, с.78, 94.].

Будучи одним из ключевых вопросов в Центральной Азии, вопрос воды одновременно является практически одним из наименее урегулированных. Государства, способные оказывать ощутимое воздействие на гидроресурсы Центральной Азии, в частности Аральского бассейна, обретают особую значимость, когда позиция основных мировых центров силы в этом стратегически важном регионе станет во многом производной от их позиции в мировом раскладе сил. Вода является, пожалуй, самым уязвимым компонентом безопасности в Центральной Азии, и одним из самых щепетильных аспектов здесь является то, что источники воды для ряда государств региона, а также административных единиц в пределах этих государств находятся за пределами их территорий. Например, 2/3 регионов Центральной Азии получают по меньшей мере половину необходимых им гидроресурсов из-за пределов своих границ, а в случае с Туркменией данный показатель достигает 98% [17, с.361-362]. Но даже если вода поступает в один регион из другого в пределах одной и той же страны, наличие локальных конфликтов из-за воды показывает, что и здесь имеются большие проблемы. Немаловажным фактором является и то, что 50% населения региона живет в Ферганской долине, где проблема межнациональных отношений традиционно довольно обострена.

Велико значение воды и для экономики стран региона, в частности сельского хозяйства. С учетом всего вышеуказанного становится вполне понятной выраженная в свое время президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым мысль о том, что нехватка воды в Центральной Азии может стать потенциальным источником трений в регионе.

Все эти моменты, естественно, делают контроль над водными ресурсами Центральной Азии одним из наиболее действенных. Пекин здесь имеет определенные и весьма эффективные рычаги воздействия. На сегодня Китайская Народная Республика обладает достаточно действенными инструментами гидродавления по отношению к Казахстану. Это обусловлено тем, что около трети водных ресурсов Казахстана поступает из Китая, и Пекин намерен использовать водные ресурсы более чем 30 рек, вытекающих из Китая в Казахстан. Но ключевыми элементами в гидрополитике КНР по отношению к Казахстану станут реки Или и Иртыш, причем ее последствия будет испытывать не только Казахстан, но и Российская Федерация.

Контуры политики «гидродавления» со стороны Пекина проявляются уже сейчас. Китайский проект №635 предусматривает строительство крупного канала из верховьев Иртыша до озера Улюнгур. Затем воду по мощным трубопроводам будут доставлять и использовать для нужд промышленных предприятий Карамайского нефтяного бассейна, расположенного недалеко от города Урумчи, орошения 140 тыс. га сельхозугодий и для других нужд Синцзянь-Уйгурского автономного района. Планы использования вод Иртыша возникли на рубеже 70-80-х годов – еще во времена Советского Союза. Советские экологи сразу же выразили обеспокоенность тем, что увеличение водозабора Китаем крайне негативно скажется на экологии Казахстана. В то время была достигнута договоренность с КНР о выработке межгосударственного соглашения. Однако окончательное решение задачи не было найдено из-за различных подходов сторон к этому вопросу.

Казахские и российские эксперты до сих пор считают, что использование Китаем вод Иртыша породит серьезные проблемы для экономики и экологии как Казахстана, так и России. Даже ежегодный забор 485 млн м^3 воды из Иртыша, т. е. примерно 5% объема его среднегодового стока (первый этап осуществления проекта №635), грозит Казахстану серьезными последствиями. Если же Китай увеличит годовой водозабор до 1 млрд м^3, а в перспективе (информация о таких планах имеется) до 6 млрд м^3 в год из рек Иртыш и Или, то это может иметь катастрофические последствия для огромного региона [20].

Осознавая все это, казахские власти предпринимают довольно активные попытки нахождения компромисса с китайцами. Самым главным сдвигом в казахстано-китайских водных отношениях можно считать то, что Пекин уже заявляет о своем отказе придерживаться в водном вопросе позиции национального эгоизма. По данным МИД Казахстана, китайская сторона подтвердила,

что использование трансграничных рек на территории одной из сторон должно иметь такой характер, чтобы не наносить ущерб другой стороне.

Но все же, несмотря на определенный прогресс в китайско-казахстанских отношениях в области водных ресурсов, Пекин довольно четко демонстрирует Астане, что имеет в запасе достаточно мощный инструмент, который при случае может быть использован для создания ситуации взаимоуязвимости с этим центральноазиатским государством, тем более что в данном вопросе Пекин не нарушает международных норм. Да, Пекин заявил, что не будет придерживаться позиции национального эгоизма. Но если под угрозой будут национальные интересы страны, то гидрополитика может принять форму их защиты. К тому же до сих пор не существует четких международных стандартов и критериев в вопросе использования гидроресурсов трансграничных рек, и основной правовой базой выступают здесь двусторонние соглашения. Это распространяется на вышеуказанные реки Иртыш, Или и еще 23 другие реки.

В какой-то степени налаживанию казахстано-китайских отношений в вопросе использования трансграничных рек препятствует и то обстоятельство, что Казахстан в решении вопросов, касающихся трансграничных рек, особенно в области ресурсов бассейна реки Иртыш, делает основной акцент на достижение соответствующего соглашения в трехстороннем – казахско-российско-китайском формате. Подходы Астаны достаточно понятны. Иртыш, конечно же, является общей рекой для Китая, Казахстана и России, и вполне логично, что для эффективного решения вопросов, связанных с водными ресурсами этой реки, должны договориться все три страны. Более того, заключив соглашения в таком трехстороннем формате, Астана существенно обезопасит себя от возможного задействования гидрополитики со стороны Пекина, ведь в данном случае она может коснуться и России, что существенно ограничит возможности Китая. Во многом именно из-за этого КНР всячески отказывается от подписания договора по политическим аспектам, особенно в трехстороннем формате.

Имея в своем распоряжении такие действенные гидрорычаги, как, в частности, реки Иртыш и Или, Китайская Народная Республика, тем не менее, в лучшем случае будет в состоянии оказывать давление на Казахстан. Остальная часть Центральной Азии в данном вопросе остается неуязвимой перед Китаем. Поэтому в контексте гидрополитики в Центральной Азии ключевую роль играют Таджикистан и Кыргызстан. Эти два государства являются своего рода гидродонорами всего Центральноазиатского региона. На долю Таджикистана и Кыргызстана приходится 55% и 25,3% всех водных ресурсов Аральского бассейна, который снабжает 75% населения Центральной Азии [21, с.37]. Только гидроэнергетические ресурсы Таджикистана, оценивающиеся в 527 млрд кВт-час в год, превышают нынешние потребности всех стран региона в электроэнергии в три раза. Эти два государства являются, можно сказать, «ключом к Центральной Азии», и чтобы создать ситуацию взаимозависимости с регионом в целом, Пекин должен направить свои усилия на укрепление позиций именно в Таджикистане и Кыргызстане.

Важность Кыргызстана и Таджикистана еще более увеличивается ввиду того, что возможный эффект от задействования гидрополитики по отношению к Центральной Азии, и особенно Казахстану, может существенно уменьшиться, если в перспективе из Российской Федерации в Центральноазиатский регион будет поставляться вода.

Как же Пекин должен укреплять свои позиции в Таджикистане и Кыргызстане? В качестве основного элемента будет взято на вооружение углубление экономических связей, что, кстати, вовсю идет. Уже сегодня китайцы активно участвуют в разработке месторождений углеводородного сырья в Кыргызстане. Это весьма перспективное направление для укрепления экономических связей. Кыргызстан и Таджикистан в состоянии полностью удовлетворить свои потребности в энергоресурсах за счет собственных источников углеводородного сырья. Именно здесь Пекин и может предложить альтернативу. В граничащем с Центральной Азией Синцзяне имеются довольно большие запасы углеводородного сырья. Доказанные запасы природного газа в Таримском бассейне составляют 419 млрд $м^3$, и ожидается, что в течение ближайших 5-10 лет они достигнут 1 трлн $м^3$ [22]. Синьцзян-Уйгурский автономный район располагает и огромными запасами угля. Запасы угля в СУАР составляют 2190 миллиардов тонн, или 40,6% всех запасов КНР [23]. Велики и запасы нефти в Синцзяне. Пекин может наладить поставку нефти, природного газа и угля в Таджикистан и Кыргызстан, тем более что эти поставки будут составлять весьма незначительную часть в энергобалансе КНР. Для Таджикистана и Кыргызстана подобная альтернатива будет весьма выгодной, и это даже станет своего рода элементом укрепления независимости данных республик.

Гидрополитика является одним из наиболее эффективных механизмов создания ситуации взаимозависимости между Китайской Народной Республикой и странами Центральноазиатского региона. Однако ее возможное задействование будет крайней мерой, основанием для чего могут быть резкие геополитические трансформации в регионе с ярко выраженной антикитайской направленностью. Но учитывая сбалансированную политику, проводимую странами региона, такой сценарий маловероятен.

Центральная Азия на современном этапе международных отношений является регионом, где действительно определяется будущая глобальная конфигурация. Это прекрасно понимают все те силы, которые вовлечены в центральноазиатскую геополитику, в частности Китайская Народная Республика.

Литература

1. *Bergsten Fred, Freeman Charles, Lardy Nicholas, Mitchell Derek, China's Rise.* Challenges and Opportunities, Peterson Institute for International Economics, Center for Strategic and International Studies, Washington, DC, 2008, p. 9.
2. *Mark Leonard*, What Does China Think? New York, Public Affairs, 2008, p. 24.
3. Deputy UN chief: China becoming engine for world economy. Xinhua, http://news.xinhuanet.com/english/ 2008-10/06/content_10154226.htm, October 5, 2008.
4. "China Threatened with Resource

Deficiency", Xinhua, March 12, 2001.
5. Report: China to import half of gas demand by 2020. Xinhua, http://news.xinhuanet.com/english/2007-04/20/content_6003314.htm, April 20, 2007.
6. Kazakh Oil Output May Rival Saudi Arabia. Reuters, Almaty, April 27, 2000
7. *Lin Ye and Zhang Zhong*, Models of Development and Trends in Investment for Multinational Oil Companies, Guoju Maoyi, August 20, 1997, p. 29-31 in Downs Erica Strecker, China's Quest for Energy Security, Rand, 2000, p. 20.
8. China Takes Control of Kazakhstan's Aktybinsk. East European Energy Report, N69, June 24, 1997, p. 16.
9. *Behn Sharon*, CNPC Deal Tops $4 billion, Platt's Oilgram News, Vol. 75, N108, June 5, 1997, p. 1.
10. *Davis Anthony*, China/Kazakhstan – Strategic Oil Deal Recently Completed, Jane's Intelligence Review, Vol.4, N12, December 1, 1997, p. 9.
11. *Rashid Ahmed and Saywell Trish, Beijing Gusher*, China Pays Hugely to Bag Energy Supplies Abroad, Far Eastern Economic Review, February 26, 1998.
12. FACTBOX-China in Central Asia: latest investments. Reuters, http://www.reuters.com/article/idUSLDE6280UR20100311, March 11, 2010.
13. CNPC signs gas supply agreement with Uzbek oil company. Xinhua, http://news.xinhuanet.com/english2010/business/2010-06/10/c_13343253.htm, June 10, 2010.
14. CNPC, KazMunaiGas purchase Kazakh oil and gas company for $3.3 bln. Xinhua, http://news.xinhuanet.com/english/2009-04/24/content_11251750.htm, April 24, 2009.
15. BBC, SWB, Third Series, ME/3771, February 23, 2000.
16. *Chang Parris*, China's Policy Toward Iran: Arms for Oil?, The Jamestown Foundation, China Brief, Volume N8, issue N21, http://www.jamestown.org/programs/chinabrief/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=34141&tx_ttnews%5BbackPid%5D=168&no_cache=1, November 18, 2008.
17. *Smith D.R.*, Environmental Security and Shared Water Resources in Post-Soviet Central Asia, in Post-Soviet Geography, vol. 36, N6, 1995.
18. Отчет Мирзоева, таблица 1, Ташкентский инженерный институт ирригации и сельскохозяйственной механизации, май 1998 года.
19. *Tabyshalieva Anara*, Post-Soviet Central Asia: Sub-Regional Cooperation and Peace, in Peace and Security in Central Asia, Occasional Paper Series, New Delhi, IDSA, September 2000.
20. *Туров Владимир*. Как Россию оставляют за «водозабором». Независимая газета, 12 мая 1999.
21. *Micklin P.*, Managing Water in Central Asia, CACP Key Paper, RIIA, London, 2000.
22. China informally approves 4,200-km gas pipeline. Beijing, Reuters, February 29, 2000.
23. *Аманжолов И.*, Конфликтные истоки трансграничных рек, Агентство политических исследований «APR», http://www.caapr.kz/show.php?kza0502-02.htm, 5 февраля 2002.

Сурен МКРТЧЯН, Гамлет МКРТЧЯН

Новый миропорядок и интегративное право

Завершающийся 2010 г. был объявлен ЮНЕСКО Международным годом сближения культур на основе духовного единства человечества – прочной скрепы прошлого как исторически пережитого опыта, настоящего, выраженного вызовами и угрозами прошлому, и будущего, детерминированного результатами настоящего. Водораздел в развитии цивилизации лежит в реалиях современности, вобравшей в себя исторически сложившееся многообразие верований, языков, культур, социальных и экономических уровней через преодоление центробежных сил цивилизационного сепаратизма. Г. Дж. Берман, известный правовед и основатель теории интегративной юриспруденции, в этой связи пишет: «На исходе XX и в начале XXI века впервые в своей тысячелетней истории человечество взялось преобразовываться в мировое сообщество» [1].

Современные глобализационные процессы как интеграционная тенденция детерминированы геостратегическими, социально-техническими, культурными и этическими факторами. По убеждению М. Хайдеггера, современная глобализационная революция есть «неизбежность неизменного хода для человеческого общества» [цит. по 2]. Речь идет не об одностороннем процессе развития человеческого общества – интегративное воздействие оказывает не всегда позитивное влияние на перспективы, а нередко приводит и к негативным последствиям.

Негативные тенденции в современном общественном развитии инспирированы целями и задачами, которые преследуют конкурирующие в глобальных процессах группы и государства. Такие субъекты создают специфические институциональные системы (нормативно-правовые базы) для защиты своих интересов в ущерб другим. Более всего это заметно в экономической сфере.

Б. Смарт, обращая внимание на укрепление фактической власти финансово-экономического истеблишмента, замечает: «Современное развитие экономики, способное эффективно проецировать себя в человеческом сообществе – преодолевать разрывы в уровнях развития различных стран, чтобы под-

Сурен МКРТЧЯН – ректор Московского областного института управления и права, доктор юридических наук, профессор

Гамлет МКРТЧЯН – ведущий научный сотрудник Московского областного института управления и права, кандидат философских наук